

Культура. - 1996. - Июнь. - с. 13.

Ай да Пушкин!

БАЛЕТ НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

Борис ЛЬВОВ-АНОХИН

"У каждого из нас, учеников Александра Ивановича Пушкина, сам факт выхода этой книги вызывает волну бесконечной нежности к памяти удивительного человека, которому мы обязаны слишком многим в важнейшую пору своего становления". Это слова из предисловия, написанного великим танцовщиком Михаилом Барышниковым. Предисловия к книге Г.Альберта "Александр Пушкин. Школа классического танца", вышедшей в московском издательстве "АРТ".

Сама эта книга создана волной, силой нежности, которую вызывал в сердцах знавших его людей этот вечно державшийся в тени, наверное, самый скромнейший из всех легендарных мастеров русского балета. Геннадий Альберт рассказывает об А.И.Пушкине, как и подобает ученику, — почти-точно, но без тени лести и подобо-страстия, без патетических восклицаний, эмоциональных преувеличений, лирических красот. Книга пленяет простотой, прозрачностью слога, отсутствием претензий глубокомысленного "балетоведения". А между тем, автор обнаруживает способность к серьезным выводам, рассматривая метод Пушкина в интересной ретроспективе русской балетной педагогики, вида в этом методе синтез самых плодотворных традиций хореографического учительства: "Он сумел аккумулировать в своей педагогике фантазию в варьировании танцевальных рас, присущую Иогансону, внимание к виртуозной стороне исполнительства, к физической выносливости — опыт Чекетти, приверженность к слигованности движений и поз, чувство стиля — уроки Гердта, логику, целесообразность комбинаций Легата и, конечно, все те глубинные знания основополагающих принципов выполнения рас, которые он получил непосредственно от

своего учителя Пономарева".

Известны властный деспотизм А.Я.Вагановой, ее грозные окрики, ее язвительные замечания. Вошли в легенду невероятная доброта и мягкость М.Ф.Романовой, которые, кажется, иногда даже мешали ей в педагогической практике. У Пономарева и вслед за ним Пушкина был особый талант — умение сочетать максимальную высоту и строгость требований с неизменной мягкостью, чуткостью и сердечностью. Этот особый "дар терпения" бывает присущ только тем, кто забывает о себе, способен к "педагогическому самоотвержению".

Уроки Пушкина были не только блестящими уроками классического танца, но и уроками интеллигентности, такта, мужественной выдержки и достоинства. Будущие графы, принцы и рыцари видели перед собой воочию пример безупречного духовного аристократизма. Искусство балета требует жесточайшей дисциплины, но Пушкин воспитывал ее как-то незаметно, исподволь, как хорошие гувернеры в дворянских семьях изо дня в день прививали отрокам правила благородного поведения. Причем, сдержанность, мягкость Пономарева и Пушкина вовсе не означали недостатка или отсутствия темперамента. Нет, им были присущи моменты подлинного педагогического вдохновения, недаром из их классов вышли такие "неистовые" танцовщики, как А.Ермолаев и Р.Нуреев. В книге немало прекрасных примеров "творческого отцовства" Пушкина, его именно отцовских забот и тревог.

Повторяю, повествование лишено аффектации, каких-либо преувеличений и прикрас — дан объективный и сдержанный разбор исполнительской деятельности Пушкина, прослежены пути академических традиций, приведшие его к формированию собственного метода, создан живописный, нет, скорее пастельный портрет Учителя, и, наконец, в последней, четвертой, главе профессионально и

подробно проанализированы принципы школы Пушкина.

Книга своеобразно и органично сочетает жанр творческой монографии и методического пособия, и этот синтез абсолютно естествен для труда об искусстве педагога. Между тем, книга двадцать лет ждала выхода в свет, ибо в течение столь долгого времени ревнители редакторских штампов утверждали, что такое "смешение жанров" невозможно, недопустимо. Но, слава Богу, книга, наконец, вышла, и опять-таки нельзя не отметить в связи с этим энергичную и благородную деятельность издательства "Артист. Режиссер. Театр" (главный редактор, он же редактор этой книги С.Никулин). Художник Е.Селиванова нашла изящный и удобный формат, любовно оформила книгу. Безупречен научный аппарат, как во всех балетных изданиях, где научным редактором значится В.Чистякова. Она ответила на мое поздравление: "Наконец-то мы выполнили свой долг по отношению к Александру Ивановичу!". Этим прекрасным сознанием долга пронизана вся книга. На мой взгляд, это не только монография, методическое пособие, но и в какой-то мере книга об этике, которую, конечно, имел право написать Александр Иванович.

"Прошло уже более четверти века со дня кончины Александра Ивановича, три года после смерти его самого знаменитого выпускника Рудольфа Нуреева. Они, учитель и ученик, поверили друг в друга и в конечном итоге открыли друг другу двери в бессмертие". Знаменитый Барышников называет Нуреева "самым знаменитым", проявляя уважение не только к таланту великого коллеги, но и к чувству Учителя, отдававшего свое сердце знаменитым, самым знаменитым и все же не знаменитым. Как хорошо, что не проходят даром не только уроки классического танца, но и уроки человеческого благородства, что в артистических сердцах еще не скудеет нежность...